

Алексей Янкин

*Путь домой
идёт через
болото*

часть 1

Алексей Янкин

**Путь домой идёт
через болото. Часть 1**

«Издательские решения»

2015

Янкин А. Е.

Путь домой идёт через болото. Часть 1 / А. Е. Янкин —
«Издательские решения», 2015

Каждый хоть раз в жизни да мечтал уйти куда-нибудь далеко-далеко и жить одному, в глуши, среди болот и лесов. Надеяться только на себя и ни от кого не зависеть. Но не каждому хватает на это решимости. А если сама судьба вдруг берет да и бросает тебя в самое гиблое место, в центр диких таежных болот? Сможешь ли ты выжить, не имея абсолютно ничего? И не пожалеешь ли о том, что твоя мечта исполнилась, что ты выпал из общества, перестал быть его шестеренкой, маленьким винтиком?

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
001	6
002	8
Глава 2	9
003	9
004	10
Глава 3	11
005	11
006	11
007	12
008	12
Глава 4	13
009	13
Глава 5	16
010	16
011	16
012	16
013	17
014	17
015	18
Глава 6	20
016	20
017	21
018	21
019	22
020	22
021	23
Глава 7	25
022	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Путь домой идёт через болото часть 1

Алексей Евгеньевич Янкин

© Алексей Евгеньевич Янкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть 1

Остров

(как я провёл зиму)

*Жить в обществе и быть
свободным от общества нельзя.*

В. И. Ленин

*В каждом коллективе дисциплина
должна быть поставлена выше
интересов отдельных членов
коллектива.*

А. С. Макаренко

Глава 1

001

Крошечный двухмоторный Ан-14 взревел и стал проваливаться. Дыхание перехватило. Ткнувшись лбом в иллюминатор я смотрел вниз. Растекавшаяся ни один час под днищем самолета от горизонта до горизонта зеленая масса с мерцающими там и сям зеркальцами озер распалась вдруг на отдельные клочки. Мохнатые верхушки сосен неудержимо неслись навстречу, казалось еще мгновение и мы нырнем в самую их гущу. Но вот, словно из ниоткуда, в пушистом лесном ковре появилась проплешина. Она стремительно росла, превращаясь на глазах в огромную продолговатую поляну. Промелькнуло несколько плоских крыш с белыми жирными цифрами на них, мачта с раздутым ветром длинным сачком на верхушке. Колеса зашуршали по грунтовой полосе. Наш агрегат запрыгал и затрясся всеми своими болтами и кожухами, пару раз энергично подскочил и замер. Двигатели, раз-другой хрюкнув, один за другим смолкли. В уши влилась тишина.

После столь стремительной посадки меня мутило. Не дожидаясь приглашения, я торопливо вышел, скорее вывалился, из распахнутой пилотом двери. Следом, с бледными как у зомби лицами полезли мои попутчики: пожилой мужичок, явно представитель сельской интеллигенции, в мятом костюме-двойке и начищенных до блеска яловых сапогах, девушка—переросток лет тридцати в джинсах в обтяжку, в светло-коричневом, крупной вязки свитере и в вызывающе торчащих в стороны тугих рыжих косичках. Последними – двое молодцев лесорубов с обветренными лицами, сизыми носами и граблеобразными тяжелыми заскорузлыми руками. Пассажиры выглядели ошалело, в отличие от пилота, который беззаботно потянувшись, жизнерадостно хрустнув суставами, и, засвистев ведомый ему одному мотивчик, направился в сторону находившихся у опушки одноэтажных домиков. Наша дальнейшая судьба, похоже, его интересовала меньше всего.

Поляна оказалась довольно приличных размеров. Метрах в трехстах со стороны солнца, у самой кромки леса, виднелись три-четыре рябых приземистых строеньица, напоминавших собой нечто среднее между большими дощатыми ящиками из под фруктов и раздавшимися вширь вагончиками-бытовками. Нестройной гурьбой пассажиры потянулись за пилотом. На полпути навстречу нам попались два небритых взлохмаченных субъекта в линяло-синих

полукомбинезонах, надетых, судя по всему, на голое тело. Субъекты хмуро тащили на скрипучей тележке к самолету бочку с топливом, лениво при этом переговариваясь вполголоса матом.

С более близкого расстояния выяснилось, что ящики у опушки есть ничто иное как комплекс зданий аэровокзала, о чем нас и не преминул не без гордости заверить водила нашего аэрбаса, дожидавшийся у ближайшего из них, после чего скрылся за дверью, махнув напоследок рукой в сторону соседнего ящика. Так как на двери, захлопнувшейся за пилотом, безапелляционно написано (я бы сказал, намалевано) белой краской «посторонним вход строго воспрещен!» мы послушно двинулись к следующему «объекту». На его двери не было никаких надписей – ни разрешающих, ни запрещающих, ни сообщающих каких либо иных полезных сведений. Мы вошли.

Судя по длинным широким скамьям, тянувшимся вдоль стен единственной комнаты, пошарпаному шаткому письменному столу у окна с разбросанными на нем наполовину заполненными бланками билетов и двум ветхим венским стульям, это одновременно и авиакасса, и зал ожидания. Да вернее всего что и гостиница. Ни одной живой души кроме носившейся с жужжанием под низким серым потолком рассерженной жирной сине-зеленой мухи здесь не наблюдалось. Оставив своих спутников обустраиваться, так как им, после дозаправки воздушного судна, предстоял дальнейший путь, я вновь вышел на улицу. Вообще-то меня должны встречать и отсутствие малейших признаков интереса к моей персоне со стороны автохтонного населения несколько обескуражило.

Немного далее и левее, в тени одиноко растущей раскидистой сосны заметил еще одно строение, на сей раз даже походившее на настоящий дом. Его венчает не плоская, крашенная коричневой краской с огромной белой цифрой крыша, а высокая двухскатная, крытая шифером кровля с торчащей из неё ржавой металлической дымовой трубой. По некоторым признакам эпизодического ухода за внешним видом прилегающей местности можно предположить, что это резиденция местной администрации.

Метрах в семи от домика, прямо из земли тянется в небо металлическая антенна, возвышающаяся своей макушкой-метелкой над окружающими деревьями и распростершая широко в стороны тонкие ноги-оттяжки. Перед входом в домик, в тени, во вполне приличном плетеном кресле-качалке сидит Должностное Лицо. Лицу хорошо за пятьдесят. Одето оно в потрепаные зеленые геологические штаны, выцветшую майку неопределенного цвета и босоножки, надетые, как и полагается по этикету, на босу ногу. То, что лицо это именно должностное, а не просто забредший сюда пассажир или другая мелочь, сразу видно по красовавшейся на его голове синей фуражке с блестящей кокардой, которые своей новизной и прямо таки вызывающей чистотой резко диссонировали со всем остальным обмундированием и небрито-помятым видом личности.

Руководство объекта сонно, безо всякого восторга обозрело меня, не проявляя при этом абсолютно никаких признаков интереса.

Я прокашлялся и, как мне показалось, самым ележным своим голосом поинтересовался, ни ждет ли здесь где нибуть часом кто либо инженера из области, ибо я и являюсь тем самым искомым инженером.

В сфокусировавшихся на моем галстук в глазах джентльмена промелькнуло нечто вроде любопытства. На минуту взгляд его стал даже бдительно-цепким и он изрек:

– Нет! – затем подумав, добавил: – Не ждет... – после чего его интерес ко мне стал вновь угасать. Чтобы не допустить его полного затухания я торопливо спросил, как далеко от аэропорта до поселка леспромхоза.

Майка задумалась и безапелляционно изрекла:

– Если по дороге, то восемьдесят три версты. С гаком. А напрямки, через болота, то и... да не дойдешь ты через болото. Потопнешь. Никто напрямки не ходит, – и вдруг почти с любовью добавил, – Обширнейшие здесь болота, приятель! Просто замеча-а-ательнейшие

болота! Красота, а не болота! – голос его при этом стал теплым, словно говорил он о любимом, не подведшим его надежд сыне.

– Так никто из леспромхоза не приезжал за мной? – расстроено уточнил я.

– Не-е. Никто. – успокоил он меня.

Я обреченно потоптался и, набравшись нахальства, вновь попытался обеспокоить начальство, оторвав его от возвышенных, неведомых простому смертному мыслей, поинтересовавшись, не едет ли в таком случае кто либо в поселок. Поняв, что простым игнорированием от меня отвязаться не получается, джентльмен, позевывая и почесывая живот под майкой встал, наморщив в задумчивости лоб и напряженно глядя куда то в самые глубины своего подсознания. Затем снова сел, расположившись поудобнее, закинул ногу на ногу, засунул руки в оттопыренные карманы штанов, пошевелил большим пальцем ноги, с любовью глядя на него и затем мудро изрек:

– Позавчера... или в пятницу? Нет... Ну да... В общем счетовод их, бухгалтер, по нынешнему, Макарыч, стало быть, в район улетел, будет только недели через три. Внук у него там родился... толи женился... в общем машину он свою здесь оставил и просил, если кто из ихних тут случится, пусть перегонит в поселок. – И взглянув оценивающе на меня уже более доброжелательно, проворчал, – Вот ты на ней малый и езжай.

– Может все же кто приедет? – сделал я последнюю попытку.

– Может кто и приедет, – и, подмигнув, доверительно сообщил: – У них только в конце месяца вахта меняться будет. Ну так берешь машину? Или ждать две недели будешь? А жрать у нас нечего. – обеспокоено уточнил он вдруг на всякий случай.

– Так вот и доверите мне автомобиль? – начал сдаваться я.

– А куды ж ты на ней денешься то, мило-ок? – в свою очередь изумился он, – Тута дорога только одна – на поселок. Захочешь – ни заблудишься, ни угонишь.

– Ладно, а ключи у кого?

– Так в ней, в машине, стало быть. Я ж говорю, кто её тут угонит.

Я уныло вздохнул. Связываться с чужой машиной очень не хотелось. Начальник, судя по всему, больше не собирался тратить на меня своего драгоценного времени.

– Ну так я поеду?

– Так и поезжай, мил человек. А в поселке её оставишь у сплавконторы. Тебе все равно туда зайти надо будет. Скажешь, Павел Никанорыч привет шлет. Никанорыч это я. – веско ткнул он себя в грудь толстым коротким волосатым пальцем.

Обнадеженный добрым к себе отношением руководства объекта, я хотел было еще спросить, нет ли в аэропорту какого либо буфета или магазинчика, но мой собеседник утомленный произведенной умственной работой, покряхтывая встал с кресла и направился ко входу в домик, недвусмысленно показав тем, что в продолжении нашей светской беседы он не заинтересован ни в малой степени.

002

Так как дальнейший путь в поселок леспромхоза мне предстояло преодолевать в одиночестве, я, не теряя времени, пошел искать автомобиль.

Он стоял прямо за углом. Да-а-а. Потертостью, помятостью, я бы сказал, потасканностью своих форм автомобиль (бывший, видимо, некогда небесно-голубого колеру) вызывал чувство глубокого сомнения и будил мысли о бренности всего сущего. Тем не менее ключ, торчавший в замке зажигания, своей беззаботной доступностью вселял некий оптимизм что не так уж оно все и плохо в этой жизни и людям все же надо и можно верить! Однако болтавшиеся под ним провода, вырванные некогда живьем из недр торпеды и скрученные вместе оголенными концами, возвращали в суровую действительность. Нет, не все еще так идеально в этом мире!

Глава 2

Закинув плащ и свой верный потертый командировочный портфель с документами и парой бутербродов на заднее сиденье, я осторожно втиснулся на водительское место. Из-под протертой местами до дыр обивки кресел торчали куски плотно спрессованной сухой травы. Стараясь не задеть висящие провода коленями, повернул ключ зажигания. Двигатель чихнул, взвизгнул, затих, ожил, вновь пару раз чихнул и неожиданно мягко заурчал. Временами где-то что-то под капотом побрякивало и похрюкивало. Но все же с места автомобиль взял довольно резво. Метров через двести, миновав у самой опушки леса навес из ржавой жести, под которым было складировано с полсотни бочек, судя по одуряющему запаху то ли с бензином, то ли с керосином, дорога нырнула в лес и уж кроме самой дороги о цивилизации ничего больше не напоминало. Да и цивилизация то, судя по этой дороге, была так себе.

003

Заглох автомобиль вдруг. Окончательно и бесповоротно. Заглох на грязной лесной дороге, не пробежав по ней и тридцати километров.

Я вышел, уже понимая, что это окончательно и неремонтопригодно. Для очистки совести попинал своего росинанта по левому переднему колесу. Не помогло. Открыл капот. Закрыл капот. Обошёл вокруг остывающего агрегата. Попинал на всякий случай и по правому заднему скату. Не помогало и это. Сев на обочину и закурив, решил ждать попутки. Прошло часа три, прежде чем до меня дошло, что «попутки» здесь не ходят. Так же, как впрочем, и «встречки». Не особо сдерживаясь в выражениях, высказал всё, что думаю о себе, о своей командировке, о лесной промышленности вообще и о леспромхозе в частности. О тружениках авиации я так же нашел нужным упомянуть, особо тепло отозвавшись об её управленческом аппарате. Не помогло. Но стало легче.

Делать нечего. Придется идти пешком за помощью пока не начало темнеть. Погода стояла солнечная, но уже довольно прохладная, середина сентября. Я вытащил из портфеля два бутерброда с сыром и съел их. Выкурил последние три сигареты, машинально сунув пустую пачку в карман. Решил идти не назад, к порту, а вперед, в поселок. По моим расчетам я находился как раз где-то посередине между ними. Затем, накинув плащ, подумав, оставил портфель в машине (в самом деле, кто его тут украдет) и пошел по дороге, стараясь держаться на гребне между колеями.

Километра через два путь мне наглухо преградила обширнейшая лужа. Противоположный её край терялся где то за поворотом дороги. Справа и слева она уходила далеко в лес. В ботинках идти вброд через лужу, состоявшую, к тому же, в основном из мерзкой склизкой грязи соблазна не было никакого и я решил обойти её краем. С левой стороны лес будто посветлее и я решительно устремился вдоль кромки лужи туда. Где то ведь эта мерзость кончается.

Но лужа и не думала кончаться. Более того, пройдя шагов пятьсот я почувствовал, что почва под ногами заметно пружинит. А еще через сотню шагов и вовсе принялась хлюпать. Ботинки наполнились влагой. Незаметно для себя я оказался со всех сторон окружён болотом. Повернул назад. Но вода везде! Нигде уже не было видно милой моему сердцу лужи. Кругом рос одинаково чахлый лесок. Еще минут десять шел по этому безобразию, временами круто меня направление, бросаясь время от времени туда, где вдруг чудился просвет, пока не вынужден был признаться сам себе, что окончательно заблудился!

Я попытался сориентироваться, принявшись вспоминать с какой стороны от меня стояло солнце, когда я вошел в лес. Кажется слева. Да, точно. Так. Теперь встанем так, что бы оно оказалось справа и пойдем. Ведь таким образом я наверняка должен буду выйти к дороге. Шел

больше часа, но дороги как не было, так и нет. Более того, кругом уже не хлюпала влага, а было настоящее лесное болото и временами приходилось перепрыгивать с кочки на кочку.

Я почувствовал, что начинаю паниковать. Спокойно! Остановись, передохни, подумай.

Тут я заметил, что солнце опустилось уже довольно низко и, судя по всему, часа через два начнет смеркаться. И я останусь один в пустой, холодной, сырой, темной, кишасей хищниками тайге! Вид длинных прозрачных теней от чахлах невысоких сосенок подействовал на меня угнетающе. Безотчетный, все подавляющий страх вновь овладел мною. Я вскочил и понесся. И чем больше уговаривал себя успокоиться, тем паника сильнее овладевала мною. Мне казалось, что по моим следам уже несётся вышедшая на охоту свора голодных волков. Я уж слышал за спиной их приближающийся вой и тяжкое мокрое дыхание. И уже явственно ощущал, как острые клыки впиваются в мою плоть, пожирая меня живьем. Я бежал, перепрыгивая с кочки на кочку, соскальзывая и падая в воду. И вновь вскакивал, и вновь бежал сломя голову, не разбирая дороги дальше. Казалось, что то в одной стороне, то в другой лесок как будто становится реже, я с радостной надеждой устремлялся туда. Но это был обман.

Я метался по огромному, бескрайнему, местами поросшему хилыми деревьями болоту. Я окончательно потерял всякую ориентацию и в пространстве, и во времени и было лишь одно желание – выйти на сухое место.

004

Вдруг выскочил к небольшой протоке. Низкое солнце слепило глаза. За серой полосой открытой воды шириной метров в пятнадцать-двадцать уныло торчал невысоким обрывом противоположный берег. А за ним виднелись настоящие высоченные деревья!

Наконец-то сухая земля! Не думая, о том, что могу угодить в трясины, а протока может оказаться коварной бездной, бросаюсь вперед, навстречу светилу. На мое счастье дно довольно твердое и проливчик в самом глубоком месте, едва достигает мне подмышек. Вот он, желанный берег! Мокрый и покрытый травой и тиной, но почти счастливый, карабкаюсь вверх по песчаному, высотой едва ли мне по грудь, обрыву. Постоянно соскальзываю. Нервно смеюсь, карабкаюсь снова и снова. Вновь и вновь падаю вниз, весь измазанный глиной. Наконец удается закинуть ногу на край обрыва. Подтягиваюсь, пошатываясь от усталости, и встаю во весь рост. Предо мной настоящая сухая земля! И вдруг край обрыва, на котором я стою, подламывается и я, вместе с комом земли и дерна, мешком лечу вниз. Тут же вскакиваю. Правую ногу ниже колена пронзает страшная боль! Я кричу и падаю! Нога словно охвачена огнем! В глазах темнеет. Не могу выдохнуть. Лишь через минуту вбираю в грудь воздуха и, закатив глаза, вою от боли.

Глава 3

Через какое-то время боль становится не такой резкой. Вновь делаю попытку встать и вновь, подвывая от боли, падаю. Настигает осознание – нога сломана. Проходит минут десять, прежде чем я могу сесть. Задрав штанину, с некоторым облегчением убеждаюсь, что перелом закрытый. Голень на глазах распухает, заливаясь багрово-синей краской. Солнце уже касается краем горизонта. Лишь одна мысль гложет меня: до темноты надо обязательно взобраться на обрыв, иначе я погиб. Почему то мне кажется что там, наверху, мне не будет угрожать никакая опасность.

Не помню, как вскарабкался наверх. На четвереньках, волоча поврежденную ногу и поскуливая от острой стреляющей боли, дополз до росшей шагах в двадцати от края обрыва гигантской раскидистой ели. Превозмогая желание упасть, прижаться к земле и забыться, сел, прислонился спиной к стволу, вновь задрал штанину: опухоль уже распространилась от стопы почти до колена. Развязал шнурок на ботинке, максимально ослабив его. Попытался прощупать ногу, но жуткая боль не позволила этого сделать. Пошевелить стопой либо хотя бы пальцами ноги невозможно. Но смещения кости вроде бы действительно нет. Наломав веток потолще и ободрав иглы, соорудил шину, примотав её поверх штанины свернутыми в жгуты пучками длинной сухой травы, закрепив поверху вынутыми из ботинок шнурками. Отчетливо понимая, что через считанные минуты я наверняка потеряю сознание, начинаю из последних сил лихорадочно ломать нижние ветви ели и накидывать их на землю у самого основания ствола. Затем, уже в полузабытьи, заползаю на наваленную кучу и, почти не осознавая что делаю, рву все что попадается под руку, нагребая это все на себя. Момент погружения в небытие не помню.

005

Не знаю, сколько я пробыл без сознания – день, два, неделю? Помню лишь, что вроде бы несколько раз приходил в себя. Первый раз от холода. Меня бьет озноб. Кругом темно. Нагребая на себя валяющиеся рядом еловые лапы, сухую траву, нащупывая их руками и, немного согревшись, вновь проваливаюсь в темноту.

В другой раз очнулся от боли в ноге. Мне жарко, лоб в испарине. Но боль не острая, тянущая. Шевелю руками, целой ногой, разгоняя кровь. Закутываюсь в полы плаща. Перед глазами все плывет. Вроде бы день, так как отчетливо вижу над собой толстую нижнюю ветвь гигантской ели и зеленый полог из хвои. Попытался подогнуть больную ногу и взрыв боли опять проваливает меня в темноту.

Еще несколько раз, помнится, приходил в себя. Но это были буквально мгновения. А может мне все это просто привиделось в бреду.

006

Открываю глаза. Ощущение такое, словно я проснулся после длительного хорошего крепкого сна. Яркое солнце заливают теплом все вокруг. Потянувшись, резко сел и тут же боль рванула за ногу. Откинувшись на спину мгновенно все вспомнил. Боль терпима. Снова сел, но на этот раз осторожно. Медленно согнул ногу в колене, подтягивая к себе. Больно. Шина давно развалилась, но роль свою, видимо, она сыграла. Задираю грязную, мятую штанину: опухоль еще не спала, но была уже бледно-телесного цвета. Попытался пошевелить пальцами ноги. Шевелятся. А вот ступня не слушается. Попытался слегка изогнуть ступню рукой. Ух! Зараза!!!

Обессилен от проделанной работы, падаю на спину. Сознание совершенно чистое. Если бы не перелом, я бы был в полном порядке. Но вместе с этим возникает ощущение жуткого голода. Оно растёт с каждой минутой и я уже не могу думать ни о чем другом. Рву иголки с еловых веток и запихивая горстями в рот, жую. Вполне съедобно и до некоторой степени гасит голод.

Немного насытившись, поправляю свое ложе, срываю пару новых мохнатых еловых лап, накрываюсь ими и засыпаю спокойным сном, словно нахожусь не среди таёжных болот, а дремлю в шезлонге где нибуть в санатории на свежем воздухе, укрытый шерстяным пледом.

007

Вновь нахожусь довольно долга в забытии, несколько раз приходя в себя. Вновь все плывет перед глазами, бьет озноб. Помню лишь, что опять ел хвойные иголки, закрывался лапником.

008

Окончательно пришел в себя от холода. День. Солнце закрыто тучами. Кругом белым-бело. Только что выпал свежий снежок, но к моменту моего пробуждения он уже идти перестал. Это еще не постоянный снег. Он вскоре растает, но холод принес с собой весьма ощутимый. Я сел. Нога уже не отзывается резкой болью. Скорее это даже не боль, а ощущение сильного сжатия голени.

Голова необычайно ясна. Вновь жую хвою. Сильно хочется пить. Хватаю горстями мокрый снег и пихаю в иссохшие потрескавшиеся губы. Хотя это и не калорийная пища, но лучше, чем ничего. Несколько приглушив голод и жажду, начинаю размышлять: где я? Что со мной? Что делать дальше?

Ну где – понятно. На краю болота. Из болота я выбрался, значит выйду и из леса к дороге. Почему то сейчас я в этом уверен. Что со мной? Нога сломана, но, судя по всему, довольно удачно заживает. Сделаю из ветвей костыли и пойду. Я не сомневался и в этом. Голод конечно мне грозит, но по пути буду питаться ягодами, корой, мхом. Да и вообще человек может прожить без пищи не менее месяца.

Успокоенный этими размышлениями, теперь совершенно не сомневаясь, что выберусь из тайги. Но вначале стоит выспаться, отдохнуть. А завтра с утра готовиться в путь. Или послезавтра. Почти счастливый, зарывшись в свои ветки, с пучком хвойных иголок во рту, сладко потянувшись, засыпаю.

Глава 4

009

Проснулся я еще до восхода солнца от гложущего чувства голода. Попробовал было снова пожевать еловых иголок, но желудок уже не принимает их. Голод, казалось, охватил каждую клеточку организма. Я лихорадочно кручу головой вокруг: ну хоть чтонибудь!!! Но кругом лишь сухая трава, сосны да несколько берез. Вдруг, совсем рядом, на стволе своей ели замечаю небольшую серую ящерку, которая с любопытством глазееет на меня. Еще не осмыслив этого факта, вскидываю руку и всем телом бросаюсь вперед, но ящерка оказалась шустрее. Она исчезла, словно её и не было никогда, словно была она лишь плодом моего голодного воображения. Вскрываю на колени и начинаю ползать вокруг ствола, не обращая внимания на удары по больной ноге. Увы, даже следа ящерки невидно. Ни одна травинка, ни один сухой листочек на земле не шелохнулся, чтоб указать мне, куда спрятался мой несостоявшийся завтрак. Меня трясёт от выкручивающего желудок голода. Ну хоть бы мышшь какая, хоть небольшая змейка. Представляю, как вопьюсь зубами в свежее, кровавое мясо! Мясо!!! Увы.

К чувству голода присоединяется ощущение жажды. Ну с этой бедой я могу справиться без особых проблем: под обрывом, в нескольких метрах от меня, море воды. Только надо сделать что-то вроде костыля, на ногу по-прежнему встать невозможно. Хотя она и не болит, но когда задеваешь лодыжкой о землю, ощущение весьма неприятное, говорящее, что наступать на неё пока не стоит. Оглядевшись, вижу в двух шагах покосившийся ствол молодой сосенки толщиной всего в несколько сантиметров. Я дополз до деревца и попытался его повалить. Сосенка шатается, гнётся, но не падает. Тогда, подтянувшись на руках, навалился на ствол всем телом – наконец он затрещал, стал заваливаться и мы вместе рушимся на траву, при этом я пребольно ударяюсь увечной ногой о землю и несколько минут лежу не шевелясь, пережидая, пока боль утихнет.

Ну вот, полегче. Так, теперь предстоит обломать концы. С этим я промаялся наверное с полчаса, забыв даже на время о жажде и голоде. Весь взмок. Молодое тело загубленного мною деревца упирается из последних сил, не давая мне насладиться чувством победы над ним. Наконец у меня получатся более-менее ровный шест длиной в мой рост с разлохмаченными краями-расщепами.

Любуясь изделием рук своих и торжества интеллекта своего, шагах в ста замечаю россыпь камней. Дополз на четвереньках до них, часто отдыхая (на что ушло никак не менее получаса) и, выбрав пару каменных осколков величиной с кулак с неровными острыми краями, сунув один в карман, другим принялся оббивать края своей будущей трости. На сей раз дело пошло довольно споро и вскоре оба расплющенных, ошетилившихся острыми щепками конца палки превратились в несколько закругленные, но плотные торцы. Затем, сообразив, что мне может понадобиться и оружие для охоты (либо для защиты), вернулся на место схватки с деревцем и разыскал макушку, отломленную ранее от поваленного ствола. Вырубил из нее нечто вроде копья длиной около двух с половиной метров и заострил, как мог, один конец. Получилось вполне приличное и довольно грозное оружие, которым при некоторой сноровке можно пронзить плоть крупного животного.

Эта титаническая работа отняла остатки сил. Пить же хотелось невыносимо. Повалившись на спину, пролежал так довольно долго. Наконец, немного отдохнув, взяв обе изготовленные мною палки, пополз на четвереньках к обрыву, стараясь держать ступню увечной ноги повыше, так как каждое касание ею о землю отзывалось болью во всём теле.

Вот он – край земли. Край моей земли. В том месте, где я сорвался вниз, а потом вновь взбирался раз за разом наверх, обрыв обрушен и образовался более менее отлогий спуск. Опираясь на обе палки я довольно ловко скатился на своих чреслах вниз. Бросившись к воде, с наслаждением стал её пить. Казалось в меня влезло никак не менее ведра свежей, прохладной, неожиданно чистой жидкости. Время от времени отрывался, но затем вновь с жадностью припадал к источнику влаги. Наконец, глотнув в последний раз, понял, что больше в меня не влезет ни глотка. С сожалением я отполз от воды и сел, прислонившись спиной к обрыву. Утреннее солнце светило прямо в лицо и приятно согревало иззябшее тело. С исчезновением чувства жажды несколько притупилось и чувство голода.

Поднявшись во весь рост на здоровой ноге, опираясь на свои импровизированные костыли и осторожно поставив больную на носок, огляделся. То, что я называл протокой, напоминало скорее русло небольшой реки, не более двадцати метров ширины в этом месте. И влево и вправо протока уходила на пару сотен метров, где оба конца терялись среди болотных кочек. На это же расстояние тянулся в обе стороны и обрыв, постепенно снижаясь, сливаясь в конце концов с окружающей местностью. Само болото, сплошь покрытое кочками и, местами, редкими чахлыми деревцами, уходило, на сколько мог видеть глаз, вдаль, пропадая там в сизом мареве, сквозь которое едва заметна узкая темная полоска – толи далекие заросли кустов, толи опушка окраинного леса.

Я стою на песчаном пляжике шириной от полутора до двух метров, который с небольшим уклоном уходит в воду. Вода довольно прозрачна, очевидно в протоке имеются ключи, освежавшие болотную воду и не дающие ей застаиваться. В такой воде обязательно должна водиться рыба. Подскакал на одной ноге к самому урезу воды. Дно просматривается на глубину более полуметра и оно, судя по всему, вполне плотное. Почти от самого берега клубится сплошным ковром подводная растительность. Ближе к берегу растения небольшие, какие-то кучерявые. Чем дальше и глубже – становились все более крупными и стройными. Метрах в двух от берега дно тонет во мгле, видны лишь верхушки водорослей, которые, еще дальше, совершенно теряются в сером полумраке.

Однако в этом серо-буро-зеленом пушистом ковре все же были прогалины. Приглядевшись, я различил меж стеблями травы какие-то ходы, тропы, гроты. Растения совершенно разные: одни сидят плотными кустиками, другие – тянутся вверх длинными стеблями-щупальцами, третьи вьются спутанными меж собой спиралями. А иные плавают у поверхности буроватыми губками или большими листьями-островками. Я, как старый аквариумист, смог различить на дне кубышку, рдест, элодею, роголистник, тянущиеся местами вверх со дна стебли кувшинки. У противоположного берега в нескольких местах образовались поля ряски.

И среди всего этого растительного великолепия роилась жизнь: мелькали многочисленные мелкие рыбёшки, что-то ползало по дну. То в одном, то в другом месте взметались облачка мути, указывая на присутствие кого-то более крупного и солидного. Вдруг совсем рядом с собой замечаю немигающие глаза крупной рыбы. Она высовывает морду из под куста, стараясь слиться с ним. Хищница, судя по всему, занята тем же, чем и я – охотой. Глазки злобно следят за резвящейся на полянке мелюзгой. Молниеносный бросок. И на месте рыбы всего лишь облачко мути. Но судя по всему охотница промазала – через какое-то время, когда поднятая ею муть осела, голова вновь появилась на том же самом месте.

Все это происходит на глубине не более тридцати сантиметров, совсем рядом с берегом. Эта щука (а это несомненно щука) была той самой долгожданной и столь необходимой мне добычей. Еще не осознав как следует все происходящее и не решив, что будет разумнее предпринять, я уже замахивался своим массивным костылем и в следующее мгновение хлестанул им что было сил по воде в том самом месте, где устроила засаду моя добыча. И о чудо, среди поднявшейся мути всплывает огромная метровая матерая зверюга! От неожиданности я опешил – мой удар по воде был скорее жестом отчаяния, я даже не думал, что смогу таким образом

поймать добычу. Однако щука скорее просто оглушена ударом по воде. Она начинает слабо шевелить хвостом. Еще мгновение и она окончательно придет в себя, а уж второй раз такой шанс мне вряд ли представится. Я бросаюсь вперед, забыв о ноге, падаю на рыбину, прижимая добычу обеими руками к груди. Краем глаза вижу, как на берегу, словно в замедленной съемке, падает моя вторая палка. Щука начинает биться, но я уже поднимаюсь, схватив её под колючие жабры, и выбрасываю добычу на берег. Огромная рыбина отчаянно извивается, при этом она все ближе и ближе скатывается к кромке воды. Выскочив на берег, я подхватываю палку, ту, что потоньше, и начинаю, что есть сил, хлестать бедную щуку.

Все! Она моя. У меня хватает терпения закинуть нежданную добычу на обрыв. Затем, помогая себе палками, я и сам взбираюсь туда.

Как же мне её разделать? Покрытая мелкой зеленой склизкой чешуёй шкура представляется значительным препятствием для ослабших от голода рук. Не зубами же её грызть. Тут я вспоминаю о своем камне. Ползу на четвереньках туда. Где же он? А вот и щепки и тонкие ветки, срубленные мной с поваленного ствола сосенки. Вот наконец и он, камень (я совсем забыл о втором, засунутым мною в карман). Я его хватаю и тащусь с ним обратно. Счищаю слизь, обтираю щуку пучком сухой травы и, наконец-то, с усилием вспарываю брюхо. Мои руки покрыты слизью и кровью. Чем ближе желанный миг утоления голода, тем движения мои становятся безумнее и беспорядочнее. Я успокаиваю себя, говоря, что теперь-то она от меня никуда не денется. Причем, вроде бы действительно говорю это громко, лихорадочно глотая слова. Выгребаю внутренности и расширяю острым краем камня надрез от головы рыбы до самого хвоста, разворачиваю её. Соскребаю тем же камнем мякоть, отделяя её от шкуры, выбираю кости и засовываю в рот.

О! Кажется ничего вкуснее я никогда не держал во рту. Это блаженство. Я ем, ем, ем! Рыба огромная, мясистая, ароматная. Она не кончается. Я ем долго, все медленнее и медленнее. Все спокойнее и спокойнее. Всё. Вроде бы сыт. Нет, еще кусочек. Наконец падаю на спину. Сыт! И сыт по настоящему. А метровая щука едва съедена на четверть.

Отдохнув, собираю свои пожитки: камень, две с таким трудом изготовленные палки и, конечно, драгоценную рыбину и по очереди передвигая их перед собой, на четвереньках двигаюсь к «дому» под елью. Там я привожу в порядок постель, срываю несколько свежих еловых лап. Съедаю еще несколько кусочков рыбьего мяса. Я сегодня сделал много и заслужил отдых. С наслаждением откидываюсь на пахнущее хвоей ложе. Вдруг ужасная мысль приходит в голову – остатки рыбы! Её же съедят, пока я буду спать. Беру копьё, просовываю заостренный конец под одну из жаберных крышек щуки и закрепляю копьё вертикально, зажав древко меж двух ветвей. Вот теперь до моей пищи никто не доберется, удовлетворенно думаю я.

Засыпаю спокойный, сытый и, можно сказать, счастливый. Ночью начались рези в желудке. Меня рвет. От боли катаюсь по земле. К утру боль, по мере того, как все то, что я съел накануне, оказывается снаружи, утихает. Под утро я вновь засыпаю.

Глава 5

010

На следующее утро проснувшись, чувствую себя очень слабым, но по-прежнему счастливым. Снимаю щуку с конца копья и с осторожностью съедаю небольшой кусочек. Впервые за долгое время голод не выкручивает желудок. Затем вновь на четвереньках бодро ковыляю к протоке и медленно, не торопясь, с наслаждением пью вкуснейшую чистую прохладную воду. Сажусь у края обрыва и, глядя на зеркальную поверхность воды, погружаюсь в думы.

011

Наконец то могу привести свои мысли в порядок и решить, что же мне делать дальше. И так – нога моя сломана и, несмотря на то, что заживление её идет вполне успешно, пройдет еще не одна неделя, прежде чем я смогу нормально ходить. Но смогу ли я идти, опираясь на палку? И сколько таким образом смогу пройти? Увы. Приходится признать, что самостоятельно выйти из тайги ближайшее время я физически не способен. Сейчас, судя по всему, конец сентября или самое начало октября. Первый снег в этих местах обычно выпадает в первых числах октября, а постоянный снежный покров устанавливается в начале, в крайнем случае, середине ноября. Будем исходить из худшего варианта – начало месяца.

Каков из этого следует сделать вывод? А такой, что мне придется какое-то время выживать здесь, у края болота, среди дикой тайги, почти в полсотни верст от ближайшего населенного пункта. И где я нахожусь – не имею ни малейшего представления.

Но здесь, по крайней мере, есть вода, есть возможность наловить рыбы. Таким образом, у меня в запасе имеется примерно две-три недели относительно хорошей погоды. Мне еще повезло, что в этом году нет ни дождей, ни сильных ночных заморозков.

Что необходимо сделать за это время? Первое – огонь. Без огня сгину в первый же настоящий мороз. Второе – жильё. Необходимо построить какой-то более-менее сносный шалаш, в котором я смог бы не бояться ни дождя, ни снега. Да и зверье нельзя сбрасывать со счетов. Вполне возможно, что где то совсем рядом бродит голодный хищник, который только и ждет того, что бы я ослаб.

Далее – пища! Обязательно надо найти какой-то постоянный источник питания. Во всяком случае, до тех пор, пока я не смогу охотиться, её мне придется добывать либо за счет сбора съедобных растений, либо рыбалкой. Причем вряд ли можно надеяться на второй такой счастливый случай, еще раз оглушить рыбу палкой... Хотя пробовать конечно стоит.

012

И так – костер. Я курильщик. Не заядлый, но в карманах у меня всегда валяются две-три газовые зажигалки, и мне казалось, что с этим-то проблем не возникнет. До сих пор я не разжег огня только лишь потому, что большую часть времени находился в забытьи. Стал не торопясь шарить по карманам в поисках зажигалки, но по мере того, как я переходил от кармана к карману, настроение резко ухудшалось, а на лбу выступал холодный пот. Зажигалки не было! Очевидно я оставил её в портфеле или на панели автомобиля, когда прикуривал там сигарету. Все еще на что-то надеясь, вновь и вновь тщательно обыскиваю карманы: три в брюках, пять в пиджаке, два в рубашке, три в плаще. Результатом моих поисков стали: измятый носовой платок, размокшая, раскисшая в грязный комок пустая пачка из под сигарет (которую я тут же

брезгливо отбросил), да сломанная, с протекшим стержнем шариковая ручка, испачкавшая мне руки. Она последовала за сигаретной пачкой. К отложенному в сторонку платку я прибавил измызганный галстук, который обнаружил возле своей лежанки под елью, да два шнурка, вынутых ранее из ботинок. Все! Это все, что цивилизация дала мне в помощь для выживания в тайге!!!

Что я буду делать без огня? Даже если сооружу шалаш, даже если этот шалаш окажется теплым – я смогу дожить в нем лишь до первых настоящих заморозков. А ведь у меня нет даже какой либо плохонькой шкуры, чтобы согреться под ней. Вновь отчаяние охватило меня. Всё напрасно! Выйти из тайги не смогу из-за ноги. А остаться здесь без огня означает верную гибель. Неужели это все?! Так вот значит, каким будет конец моей жизни – холодным и голодным, а возможно и кровавым.

013

Нет. Спокойно. Только не раскисать! Взять себя в руки! Ведь добывали же когда-то огонь без зажигалок и спичек наши предки. И совсем недавно, каких либо сто лет назад. По крайней мере, мне известны два способа – с помощью двух камней и с помощью двух деревяшек. Камни. Вот же оно, лежит рядом, моё верное каменное рубило. Правда сомневаюсь, что это кремь. Скорее какая то разновидность сланца, впрочем в геологии я полный профан. Надо найти еще камней. Сунув рубило в карман плаща, прихватив палку-костыль я быстро пополз на четвереньках к тому месту, где нашел вчера каменную россыпь. Ну вот и она. Все камни однородны по структуре, темно-серого цвета, с отчетливым разделением на разные по толщине слои. Выбрав из них два, примерно равные по размерам, сильно стукнул один о другой. Ничего. Вновь и вновь бил их друг о друга, меняя угол удара и его силу. Ни одной искорки! В стороны летела лишь мелкая каменная крошка да поднималась облачками пыль, вызывавшая кашель.

Я чуть не плакал от бессилия и злости на себя. Как так, в городе таскать эти проклятые зажигалки чуть ли не в каждом кармане, а когда поехал на край света, в тайгу, не удосужился взять хотя бы одну про запас. Надо же – выжить в тайге со сломанной ногой и затем так глупо погибнуть. И только потому что не смог добыть огня.

Спокойно, у меня есть еще вариант с деревом. Но раньше, все же, будет правильнее позаботиться о пропитании на ближайшее время, что бы не потерять силы. И построить жильё. Жильё даст мне по крайней мере месяц-полтора форы для попыток добыть огонь.

014

Тем временем, несмотря на мой, более чем экономный рацион, съестные запасы подошли к концу. Обглодал все щучьи косточки на несколько раз, тщательно переживал каждую из них, но увы, это не сделало их более сытными. Я снова познал муки голода. К сожалению его не могла утолить ни хвоя, на питание которой я вновь перешел, ни внутренний слой коры сосен и берез, что добыв с помощью рубила я пытался жевать. Чувствовал, как час от часу неуклонно слабею. И всякие, почти забытые за несколько дней сытой жизни хвори опять начинают овладевать мною. Поднялась температура, перед глазами стоит туман. Все меньше и меньше двигаюсь. Каждое усилие дается с трудом. Меня охватила апатия, делать абсолютно ничего не хочется. Днями напролет я сидел, тупо вперив взгляд в пространство перед собой.

На третий или четвертый день, проснувшись утром, я вдруг заорал во все горло. Нет! Необходимо взять себя в руки! Глупо! Глупо сгинуть вот так, как овощ! Надо срочно заняться созданием продуктовых запасов – на одной коре и хвое я долго не протяну. С одной стороны от моего стойбища протока, полная рыбы, с другой лес, в котором наверное есть что-то съедобное.

Самый доступный мне в нынешних условиях источник питания – рыба. Но как её поймать? Удочку соорудить не из чего. Острога? Для неё нужен хороший острый наконечник с зазубринами. Добиться приемлемой остроты деревянного копия с помощью лишь его обработки камнем не получается. И вдруг пришла великолепная мысль, а если сделать нечто вроде большого сачка из гибких прутьев?

Я тут же ожил и с увлечением принялся за разработку конструкции, а затем и за воплощение её в натуре. Для начала отыскал молодое деревце со стволом толщиной у основания не более трех сантиметров. На высоте двух метров деревце раздваивалось. Обрубив оба стволика метром выше развилки, получил огромную рогатку. К обоим концам раздвоенной части примотал с помощью тщательно сплетенных из сухой травы веревочек (которую приспособился, к слову сказать, крутить вполне сносно) противоположные концы метровой палки. Остается приделать нечто вроде сети таким образом, что бы центральная часть образовывала своего рода мешок, сквозь который свободно будет уходить вода, но всякая живность, туда попавшая, останется внутри.

На опыты ушло два дня. Неоднократно, ругаясь, разбираю почти готовое устройство. Движения вялы и нечетки. Через каждые десять минут волна слабости накатывала на меня, приходилось замирать, не закончив очередного движения, и отдыхать. Временами впадал на несколько минут в спячку, очнувшись, после которой, продолжал прерванную работу. Я плел из тонких ивовых прутьев подобие треугольной корзины. Наконец таки добился приемлемого результата – ячеи сачка не превышают трех сантиметров. В глубину сачок имел чуть менее метра. Так как работу закончил хорошо затемно, испытание устройства, ценой которому будет моя жизнь, отложил на утро.

015

Утром, едва солнышко взошло, проснулся от смешенного чувства холода и голода. Тоска разлита вокруг толстым густым слоем. Её не могут разогнать даже лучи небесного светила. Казалось солнечный свет вязнет в ней, замирая бессильно и обреченно у самой земли. Взяв изготовленное накануне орудие лова, на коленках по сырой траве тащусь к обрыву. Напротив моего жилища под елью, ранее, в сытые времена, я обрушил с помощью палки часть обрыва и сделал довольно пологий спуск к воде. Спустившись на узкий пляж, заковылял насколько мог глубоко в ледяную воду, опираясь со стороны увечной ноги на зажатый под мышкой костыль, и, мысленно перекрестившись, поднес к поверхности воды свое сооружение, с трудом удерживая его обеими руками. Резко черпанул им воду. Однако не рассчитал своих усилий – сачок погрузился не более чем на полметра, хотя глубина в этом месте значительная. Приподняв сачок над водой и дождавшись, пока поднятые им буруны улягутся, вновь делаю зачерпывающее движение, на этот раз до самого дна. В плетеной корзинке вновь ничего, кроме пучков травы.

Окончательно закоченев, насколько мог резво выскочил из воды и принялся усиленно растирать озябшие ноги. Присел. Стал обдумывать более удачный метод ловли. И наконец, кажется, нашел. Вновь, содрогнувшись, захожу в воду повыше колен, и медленно, чтобы не поднимать мути, кладу корзину сачка на самое дно. Затем выхожу на берег и выжидаю несколько минут, отогревая себя растиранием, после чего возвращаюсь к рукоятке сачка и, стараясь не делать резких движений, ухватившись за неё, плавно, но решительно, по дуге вдоль дна, выгребая им.

Ура! В корзинке бьется целых три (!!!) рыбины: один крошечный карасик, щучка сантиметров тридцати и довольно приличных размеров карась-лапоть. Вытащив драгоценную добычу на берег и нанизав её через жаберные крышки на наскоро изготовленный из веточки кулан, вновь принимаюсь за рыбалку, делая лишь время от времени короткие передышки, что бы согреться. Впрочем, с момента первого улова я практически не ощущал холода осен-

ней воды. За час с небольшим наловил два десятка рыбин, причем с пяток из них вполне оправдывающего все мои труды размера. На несколько дней я обеспечен едой с избытком. Тут же на берегу, распотрошив двух карасей, с наслаждением съел их сырыми, после чего потащил остальную улов домой. Надо будет сплести корзину для переноски и хранения добычи. А сегодня отдыхать и отъедаться!

Уже сидя на своем ложе, пришел к великолепной, как мне показалось, мысли. Следует изготовить не один сачок, а сразу несколько и с гораздо более длинными рукоятями и более глубокими корзинами. Их следует постоянно держать погруженными в воду с концами рукоятей на суше. Таким образом, добыча пищи сведется для меня к рутинной проверке сачков-ловушек. А между тем из ивовых ветвей можно будет сплести настоящие ловушки – верши, не позволяющие добыче выбраться из них. Сытый желудок располагал к изобретательности и мечтам. Я уже не боялся голода и был уверен в своем будущем. Даже проблема с огнем не казалась теперь такой уж неразрешимой.

Глава 6

016

Ночи всё холоднее и нужда в постоянном теплом жилище всё острее. Сняв на ближайшее время проблему с питанием, я вновь возвращаюсь к мыслям о доме. Каким он должен быть? Самое надежное и теплое убежище, это, пожалуй, землянка. Но её я построить не смогу физически – у меня нет ни лопаты, что бы выкопать котлован необходимой глубины, ни топора, что бы изготовить накат из бревен. И так, землянка в моей ситуации не годится. Шалаш? Какой? Конический или двускатный? Думаю, северные аборигены не зря делают своё жильё в виде конуса. Его и обогревать удобнее и огонь не заденет крышу, да и в изготовлении оно проще. Решено. Строим конический чум, обложим его ветвями, лапником, корьем.

Итак, мой дом будет коническим. В предоставленных мне условиях это наиболее простой и надежный вариант, к тому же его изготовление мне по силам. С чего начать? С общей схемы. Ну, во-первых, необходимо определиться с размерами, в данном случае с диаметром и высотой. Каков будет диаметр моего чума? Пожалуй метра четыре. Пять для меня одного многовато станет, да и прогреть его будет сложно. Три, учитывая, что будут наклонные – мало. Для надежности необходимо устанавливать шесты на расстоянии у земли не более полуметра один от другого. Итого, понадобится заготовить не менее... (я начертил на земле окружность, провел диаметр, разбил его на четыре части, сделал отметки на поверхности окружности условно через каждые полметра) ... да, не менее трёх десятков шестов! Немало! Далее – если принять высоту будущего чума так же в четыре метра, то длина каждого шеста... длина каждого шеста... (я вновь принялся рисовать) метров пять, пять с половиной. Вот с заготовки этих шестов мы и начнем.

Я вылез из своего временного пристанища под елью, прихватив оба каменных рубила и стал осматривать подвластные мне территории. В противоположной от протоки стороне, сравнительно недалеко, целые заросли из молодых сосенок нужного мне размера. Бодро понесся на четвереньках к ним. Выбирая деревце диаметром ствола у основания с моё запястье, начинаю обтёсывать у самой земли со всех сторон рубилом. Затем, когда оно становится достаточно тонким, наваливаюсь на деревце всем телом, валяю его. На повалку одного ствола уходит не менее получаса. Затем столько же вынужден отдыхать, приходя в себя.

За первый день свалил десяток сосенок, изрядно при этом вымотавшись. К концу рабочего дня мои руки изрезаны и густо покрыты синяками, пальцы распухли и одеревенели. За второй и третий день, едва ощущая руки и спину, с грехом пополам свалил по четыре-пять стволов. Зато на четвертый я так отработал технологию, что еще до обеда свалил сразу двенадцать деревцев, а затем, очистив все поваленные стволы от веток, стащил их в одну кучу. Два следующих дня посвятил тому, что отмеряя метровой веточкой (насколько я смог определить этот метр) пять с половиной метров от комля ствола и, отступив еще немного, обрубал верхушки.

Наконец, к исходу седьмого дня передо мной рядком лежали готовые светло-коричневые, одинаковые как братья-близнецы шесты. За эти дни я отвлекался от работы лишь по утрам, что бы вытащить из садков очередную порцию рыбы. Ту, что я не успевал съесть за день, потрошил, очищал от чешуи и по возможности от шкуры, нарезав полосками, развешивал повыше на сучьях для провяливания. Шкуру рыбы я не выкидывал, а так же развешивал сушиться, в надежде, что когда либо найду способ сварить её, получив питательный бульон. В моих условиях, не зная, смогу ли я добывать себе рыбалкой пищу зимой, не стоило прене-

брегать никакими съестными припасами. Я перестал даже выбрасывать рыбные кости, намереваясь использовать их таким же образом.

017

Утро следующего дня я начал с поисков подходящего места для установки чума. Во-первых, это место должно было быть достаточно открытым, но не ветреным, поверхность земли ровной и само место расположенным недалеко от протоки. Вместе с тем от него должно быть недалеко и до деревьев, постоянного источника топлива (в том, что я найду способ добыть огонь, я по-прежнему не сомневался, за последние дни моя уверенность в своих силах значительно возросла). На поиски и обдумывание каждого из вариантов потратил всю первую половину дня. Наконец нашел, на мой взгляд, идеальное место, удовлетворяющее всем требованиям. Между молодой сосновой рощицей и берегом протоки, метрах в пятидесяти к северу от моей нынешней стоянки. К тому же с северной стороны его прикрывали от ветров густые ивовые заросли. При этом вокруг оставалось достаточно свободного ровного пространства. Перетащив к месту будущей стройки все тридцать заготовленных шестов, что потребовало от меня значительных усилий, так как по-прежнему передвигался исключительно на четвереньках или на коленях, я сложил их рядком.

Нарек выбранное место «Стойбищем» и торжественно воткнул в центр будущего жилища обломанную ветку, служившую мне ранее линейкой. Затем, взяв один из шестов и отмерив на нем расстояние, равное по моим подсчетам ровно двум метрам, стал с его помощью описывать вокруг центра окружность диаметром в четыре метра, прочерчивая её концом своего костыля. Получился очень ровный круг, которым я с полным правом даже залюбовался. Хотя что-то геометрически правильное, напоминающее о человеческом жилье среди окружающей дикой природы с её вечно изломанными кривыми линиями.

Передохнув, отправился к зарослям ивы, начинавшимся буквально в тридцати шагах от стойбища, где нарубил охапку полуметровых прутьев, достаточно тонких, что бы гнуться не ломаясь. Сложил их кучей рядом с шестами.

Так как дело близилось к вечеру, начало строительство отложил до утра.

Однако следующий день посвятил не строительству, а устройству в обрыве пологого спуска к протоке напротив нового места жительства и перетаскиванию сюда же всех орудий лова. В этом месте пляж даже более широк и удобен, около двух метров, а дно уходит вглубь более круто, что для рыбалки очень даже неплохо.

018

И вот настало время вплотную приступить к постройке дома. Почему-то стало страшно. От того, насколько преуспею я с этой задачей, во многом зависит и смогу ли выжить в этом диком краю. Кроме того, постройка жилища означает, что я сознательно, окончательно решил остаться здесь зимовать. Сняв с ветки несколько полосок подвяленной рыбы (с некоторых пор я предпочитаю питаться именно подвяленной, а не свежей) перекусил, восстанавливая силы. Ну, с Богом!

Первым делом выбрал три самых длинных и толстых шеста. Отступив сантиметров по семидесяти от верхушек, прорубил на каждом вокруг неглубокие канавки. Затем, сложив шесты вместе, обвязал их в этом месте ивовыми прутьями. На изготовление подходящего ивового кольца ушел не один час – поначалу кольца попросту распадались и не хотели скреплять шесты вместе. Когда я наконец научился делать крепко держащееся кольцо, сплетая несколько прутьев вместе и пряча их концы внутрь, выяснилось, что получившееся кольцо слишком плотное, не позволяющее развести концы шестов в стороны. Следующее кольцо, напротив, через

чур широко и не удерживало шесты вместе, легко скользя по ним вверх-вниз. Но наконец-то результат устроил меня: шесты оказались довольно плотно связаны вместе у верхушек и при этом нижние их концы я мог свободно развести в стороны.

Вновь подкрепившись рыбой, занялся установкой остова чума. Разместив связку из трех шестов комлями к центру окружности, связанными верхушками наружу, я растащил нижние концы в стороны, положив на края начерченной мной ранее окружности: два шеста с правой стороны, один – с левой. Затем взявшись за один из двух шестов, находившихся справа, осторожно потянул его на себя, пятась при этом понемногу назад. Связанные вместе верхушки, а за ними и все сооружение, медленно поднималось все выше и выше, пока верхушка не вознеслась ввысь, а два противоположные шеста не склонились в мою сторону. Тогда я разместил нижний конец своего шеста на линии окружности и принялся по очереди перемещать по ней два других, пока не убедился, что все они отстоят на равном расстоянии друг от друга.

И вот передо мной стоит тренога высотой около четырех метров с торчащими сверху в растопырку тремя полуметровыми рогами. Ура! Покачав по очереди шесты-ноги, убедился, что сооружение весьма крепко и надежно.

Отошел и полюбовался со стороны своей работой. Затем решил, что для большей устойчивости следует углубить нижние концы шестов в землю. Выковыряв рубилом с правой стороны каждой ноги по лунке глубиной сантиметров в пятнадцать, устанавливал их туда и прикапывал, плотно утрамбовывая. Закончил работу, как обычно, уже затемно.

Спал беспокойно, несколько раз за ночь просыпался – мне не терпелось продолжить строительство.

Едва рассвело, позавтракав и, по сложившейся традиции, проверив свои садки и развесив вялиться куски рыбы свежего улова, приступил к продолжению прерванной накануне работы.

019

Беря в руки по одному шесту, аккуратно размещаю их нижние концы на проведенной по окружности черте ровно между двумя прикопанными в землю накануне, прислоня верхушками между торчащими вверх концами основных шестов. Таким образом, через четверть часа моё сооружение имело уже шесть ног. Затем между этими шестью шестами я, таким же образом, установил еще шесть. Затем еще по одному между каждым из двух установленных ранее. В результате ушло двадцать четыре шеста. Оставшиеся шесть попарно расположил между тремя первоначальными, понемногу сдвигая нижние концы всех остальных, пока не добился равномерного распределения их по окружности. После обеда занимался прикапыванием шестов в землю, но на сей раз не столь глубоко. К заходу солнца остов чума готов полностью.

020

С утра, закончив развешивать для подвяливания очередную партию рыбы, приступил к переплетению жердей остова чума ветками ивы. Натаскав несколько охапок прутьев толщиной с палец и длинной не менее моего роста, стал переплетать шесты кольцом вокруг, пуская два ивовых прута навстречу друг другу, таким образом каждый шест удерживался двумя прутьями – один оплетал его снаружи сооружения, другой изнутри. На следующем шесте эти два прута менялись местами. Первое ивовое кольцо сделал у земли, второе сантиметрами двадцатью выше. Расстояние между следующими около полуметра. И так до верхушки. Всего получилось одиннадцать колец, причем, начиная с седьмого, для сооружения каждого последующего приходилось вставлять на одно из ранее вплетенных. Эту проверку на прочность они выдержали с честью.

С этой работой я справился за день. Ближе к вечеру, когда сооружение колец подходило к концу, я стал размышлять – с какой стороны мне устроить вход. В результате решил делать его со стороны всходящего утром солнца, то есть со стороны протоки.

Весь следующий день оборудовал вход в чум: каменным рубилом не без труда перепилил один из шестов с восточной стороны в двух местах: снизу, немного повыше второго кольца, на высоте сантиметров сорока от земли. Отступив с метр вверх, вновь перепилил этот же шест. Затем рубилом перерезал ивовые кольца между двумя соседними шестами с перепиленным в двух местах шестом между ними, оставляя концы прутьев такой длины, что бы они по прежнему крепко держались за шесты. Более тонкими прутьями в несколько слоев оплел образовавшееся отверстие. Результат вполне удовлетворил меня – вход в чум получился овальной формы, несколько более широкий книзу, с плотным плетеным бортиком. Проем достаточной ширины и высоты, что бы я мог беспрепятственно проникать внутрь, но не настолько большим, что бы в моем жилище гуляли постоянные сквозняки. Надо будет подумать над устройством двери.

021

Последующие два дня ушли на тщательное переплетение пространства между шестами более тонкими прутьями. Мой чум становился все более и более похож на жилье и следующую ночь я провел уже в нем, натаскав внутрь веток и елового лапника для лежанки и перетащив все свое нажитое к этому времени имущество: несколько каменных рубил, пару копий, кучку камней для разных нужд.

Теперь необходимо решить, чем же окончательно покрыть свой дом, что бы обеспечить его полную ветро– и дожде-непроницаемость. На вечернем совещании было решено укрывать дом еловыми лапами. С этой работой пришлось провозиться два дня, так как каждую лапу приходилось выламывать довольно высоко с росших поблизости елей. Затем каждая ветка вплеталась черешком в каркас чума. Крепил лапник широкими кольцами снизу вверх, таким образом нижний край каждого последующего кольца перекрывал место крепления к обрешетке чума ветвей предыдущего кольца. Работал я добросовестно, не торопясь, в результате толщина покрытия чума получилась не менее десяти сантиметров. В дополнение решил снизу, до метровой высоты, укрыть чум дерном, на что ушло еще два полных дня – самым трудоемким оказалось нарезать полосы дерна и перетащить их к месту строительства, затем подогнать каждый кусок дернины по месту, обрезав излишки, и укладывая полосы встык. Результат, впрочем, весьма меня порадовал – стены получились толстыми и прочными, на уровне пола чум свершено не продувался самым сильным ветром. А пара прошедших к месту кратких холодных ливней полностью подтвердили надежность конструкции.

Когда работы по покрытию чума были закончены, я, поразмыслив, вырезал еще пять шестов, но более тонких и коротких, чем для остова, разместив их поверх покрытия чума в вертикальном положении и скрепил меж собой тремя ивовыми кольцами. Теперь я мог не бояться, что ветер разметает покрытие. В самой верхушке чума, в месте пересечения всех шестов, оставил неширокое отверстие-дымоход.

Дом вышел добротным и, не побоюсь этого утверждения, красивым. Донельзя горд собой. В нем даже сейчас, без огня, заметно теплее, чем на улице и последние ночи я сплю как в королевской опочивальне – в тепле и сухости. Я тем более рад, что по моим расчетам дело движется к середине октября и вскоре могут начаться настоящие затяжные дожди. Мне и так несказанно повезло, что за все время проживания здесь практически не было серьезных осадков.

Оставались мелочи: из четырех тонких полутораметровых шестов изготовил дверь, переплетя их прутьями и пучками сухой травы. Заходя в дом, я прислонял дверь к отверстию

входа снаружи и укреплял её двумя палками. В последствии планирую сделать над входом еще и навес, что бы в слякотную или снежную погоду не заносить в дом грязи.

Внутри дома соорудил нечто вроде нар из жердей, плотно уложенных вместе и переплетенных прутьями, с накиданными поверху охапками сухой травы. Нары находятся с противоположной от входа стороны.

На высоте чуть больше своего роста закрепил горизонтально три жерди-перекладины, привязав концами к основным жердям чума. На этих перекладинах я развешивал припасы вяленой рыбы (так как очень опасался, что дожди могут погубить весь мой провиант).

Теперь только остаётся обзавестись огнем и тогда я смогу смело смотреть в будущее.

Глава 7

022

Следующий день решено объявить выходным, полностью посвятив его исследованию окрестностей стойбища. Я подумал – вполне ведь возможно, что дорога то проходит где-то совсем рядом и мне просто не понадобится затевать эпопею с зимовкой в тайге. Главное – не удаляться от построенного чума, чтобы не оказаться в том положении, в котором я был до недавнего времени – без жилья и без источника пищи.

Я так загорелся этой идеей, что еле заставил себя заняться ставшими уже обыденными утренними заботами. Но отложить их было бы весьма неразумно. Проверил ловушки, вытащив двух хороших окуней и небольшого щуренка. Обработав, развесил повыше на ветвях подвяливаясь, переместив подсохшие кусочки рыбы в чум. Затем торопливо позавтракал (я уже мог себе позволить придерживаться некоего расписания в питании), сходил к протоке напиться. Очередной раз посетила мысль – надо позаботиться об изготовлении какой-то ёмкости для воды. Почти сразу возник и ответ – береста. При первой возможности наделаю емкостей не только для воды, но и для ягод, вяленой рыбы, прочих припасов, которые твердо планировал раздобыть. В том, что это мне по силам, я теперь абсолютно уверен. Надо лишь заготовить побольше режущего инструмента из камня. Но сначала следует убедиться, что мне действительно придется здесь зимовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.